

Яна Сахипова на заседании по делу «Сети» в Петербурге, 17 июня / Фото: Давид Френкель

25.06.2020, 19:31 Санкт-Петербург

свой опыт

«Уронили, протащили по асфальту»: рассказ задержанной после приговора по делу «Сети»

22 июня в Петербурге **приговорили** фигурантов дела «Сети». Виктора Филинкова — к семи годам, Юлиана Бояршинова — к пяти с половиной. После оглашения приговора у суда **задержали** 30 человек. Одной из первых — Яну Сахипову, жену Бояршинова. Следующие два дня она провела вместе с задержанными в отделе полиции. К ним долго не пускали защитников, вынудили спать на полу, а во второй день полицейский толкнул Сахипову на пол и закрыл в камере.

**Предупреждение о возможном конфликте интересов:
Яна Сахипова — шеф-редактор ОВД-Инфо.**

После приговора все пошли к дверям, из которых скоро должны были вывести Юлиана и Витю. Собралось человек сто. Туда стали подъезжать полицейские машины, согнонали омонцовцев. Я тогда подумала, что они явно намерены задерживать.

В какой-то момент люди начали петь под гитару песню «Это пройдет» — ее раньше много раз пели у судов по делу «Сети». Омонцовцы зашевелились. Один из них дернул другого за рукав и сказал: «Да это ж песня». Но потом все-таки людей потащили в автозаки. Тот омононец пошел задерживать вместе с остальными.

Во мне начала подниматься какая-то дикая злость — только что ребят осудили, а теперь задерживают тех, кто просто пел песню под гитару. Я решила продолжить эту песню — со слов «Федеральная свора бездушных майоров». Кто-то подхватил.

Я, конечно, поняла, что меня сейчас задержат. Когда ко мне подошли «космонавты» и взяли под руки, я не удивилась и даже начала идти с ними. Но тут подошел мой товарищ и стал меня обнимать. Потом еще кто-то. И еще. Меня обступили люди, я продолжала петь, а омонцовцы какое-то время ничего не делали. Но потом им в мегафон сказали: «Чего стоим, работайте!» И началось.

Нас стали очень жестко выхватывать из толпы, я плохо понимала, что происходит, кричала на автомате. Кажется, меня уронили, протащили по асфальту, задирали юбку, порвали футболку. Потом закинули в автозак.

Задержание Яны Сахиповой / Фото: Давид Френкель

В автозаке было даже весело. У товарища оказалась с собой колонка, мы снова стали петь «Это пройдет», включали дурацкие песни типа «Самый модный нынче транспорт — это автозак, везет меня по городу бесплатно». Танцевали под «Из черной резины сделана власть». Менты этому не мешали — только один раз заикнулись, кажется, про «публичное мероприятие». Мы посмеялись.

В отделе очень тянули с составлением протоколов, мы сидели, ничего не происходило. Нас весь день не кормили. К нам долго не пускали защитников. Потом все-таки пустили двоих адвокатов с ордером. Защитницу без статуса адвоката грубо вытолкали, хотя обязаны были допустить. На все попытки напомнить о наших правах менты отвечали: «А не надо было нарушать».

Протоколы составили только к ночи — о неповиновении полицейским (ст. 19.3 КоАП) и несогласованном митинге (ст. 20.2 КоАП). При том, что одновременно два этих правонарушения вменять нельзя.

Наступила ночь, стало понятно, что нас оставят на ночь в отделе, но нам этого не объявляли и в камеры не заводили. Мы стали раскладывать пенки и спальники, которые нам привезли, и ложились прямо на полу в коридоре, потому что очень устали.

К трем часам ночи нас все-таки завели в камеры, забрав все вещи. Мест в камерах на всех не хватило, но полицейские попытались представить это жестом доброй воли: «Так и быть, не будем вас всех запирают, кто-то может поспать и в коридоре». Часть людей спали на туристических ковриках на полу при свете.

На следующий день продолжалась какая-то тягомотина, в суд нас не везли, ничего не происходило. Потом вдруг стали составлять новые протоколы — по статье о нарушении самоизоляции (8.6.1 КоАП). Сначала говорили, что вместо двух предыдущих протоколов, потом — что в дополнение к ним. Как там на самом деле, я до сих пор не знаю.

К этому моменту почти все были без связи. Телефон был только у меня и у еще одной задержанной. Связь с адвокатами была только через нас.

Парней держали в камерах, девочек — в коридоре. Когда ребят выводили на составление новых протоколов, мы пытались передать им рекомендации от адвокатов. К одному из них я подошла и сказала, что ни в коем случае нельзя подписывать бумажку о просьбе «рассмотреть дело в мое отсутствие». И тут начался ад.

Участковый стал кричать, чтобы я отошла, хватал меня за плечи. Я говорила, что могу там стоять и передавать рекомендации от адвокатов. Тогда он схватил меня за шею и толкнул, я упала на пол. На коленях остались большие синяки. Вокруг все кричали, я тоже. Потом он затолкал меня в камеру и закрыл.

Синяки, оставшиеся от падения / Фото: Яна Сахипова

Через какое-то время пришел другой полицейский, который пытался играть «добренького» и понимающего, вывел меня из камеры и начал читать лекции, что в отделе каждый сам за себя, не надо никому помогать. Я не могла слушать. Кажется, меня догнал весь стресс — от приговора, от того, что они могут вот так просто схватить и затолкать в камеру, от всего происходящего. Я начала задыхаться, поняла, что надо срочно лечь, сделала шаг в сторону разложенного походного коврика и упала на пол. Я лежала и не могла пошевелиться, хотя понимала всё, что вокруг меня происходит.

Это был ад. Менты запаниковали, начали бегать вокруг меня, хватать, переворачивать, совать воду, кричать, чтобы я вставала и «прекращала». Я безумно благодарна

задержанным со мной девочкам, которые сидели вокруг меня и пытались защищать от ментов.

Вызвали скорую. Врачи были чуть ли не хуже ментов — видимо, они решили, что я симулирую, чтобы меня отпустили. Кричали, что я устроила цирк и держу их за клоунов. А я лежала и не могла ничего сказать. Был какой-то сильный нервный срыв.

Когда я все-таки пришла в себя, написала отказ от госпитализации, смысла ехать в больницу не видела. Хотелось скорее оказаться дома. После этого меня сразу отпустили из отдела, за мной — всех остальных.

Ещё почитать

24.02.2026 Санкт-Петербург

Прокурор запросил от 8 до 13 лет колонии для фигурантов дела «Весны»